

С. Н. Синегубов

**НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ
ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ КАЙЗЕРОВСКОЙ ГЕРМАНИИ
В ПЕРИОД ДО 1914 г. НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА
«ЦАЙТШРИФТ ФЮР ГЕШИХТСВИССЕНШАФТ»**

Научный журнал «Цайтшрифт фюр Гешихтсвиссеншафт» давно снискал заслуженную славу серьезного периодического органа среди историков многих стран мира. На его страницах нашли отражение актуальнейшие проблемы германской и всеобщей истории. Редакционная коллегия журнала всегда с большим вниманием относилась к работам, в которых давался анализ внешнеполитической истории вильгельмовской Германии в период империализма. За последние три десятилетия «Цайтшрифт фюр Гешихтсвиссеншафт» опубликовал много статей по этому аспекту. Однако в специальной литературе эти работы не получили историографического анализа. Настала необходимость дать им обобщающую характеристику, проанализировать их проблематику и актуальность в общенаучных задачах, стоящих перед исследователями ГДР.

Одним из направлений творческих изысканий историков ГДР стало освещение империалистической колониальной политики кайзеровской Германии. Их внимание привлекают не только действия германского правительства в собственных колониях, но и в сопредельных с ними африканских землях. Например, в статье Х. Дресслера исследуется попытка господствующих классов вильгельмовской Германии реализовать заключенное в 1898 г. с Великобританией соглашение о разделе португальских колоний.

Определяющим мотивом активизации политики рейха в 1898—1900 гг. относительно Южной Анголы, как выяснил историк, стали проникновение туда германского капитала и железнодорожное строительство в Юго-Западной Африке.¹ Сопrotивление со стороны английского капитала в лице группы С. Родса и самого португальского правительства планам господствующих классов Германии обусловили их крах. К тому же ввиду расхождений во взглядах колониальных кругов буржуазии и политиков кайзеровской Германии на проблему африканских владений Португалии ими была выработана единая тактика в этот период. События 1898—1900 гг., времени переговоров о разделе португальских колоний, выявили остроту межимпериалистических противоречий между Германией и Великобританией. С другой стороны, политика германского империализма в отношении Южной Анголы сделала очевидной его стратегию на африканском материке. Присоединив ее, Германия построила бы мост между германской Юго-Западной Африкой и Камеруном. Путем захвата все новых и новых территорий «Черного континента» юнкерско-буржуазная Германия задумывала создать свою колониальную империю.

Говоря о политике кайзеровской Германии в отношении Китая, следует отметить, что исследователи ГДР часто обращались к этой теме на страницах своего центрального периодического органа. Начальный этап проникновения Пруссии в Цинскую империю и утверждение ее, а затем и объединенной Германии в ранге привилегированного государства исследуются Г. Штеккером.² Дальневосточная политика империалистического германского государства представлена работой Ф. Клейна.³ В ней тщательно анализируется позиция дипломатии Германии в 1900 г. в Пекине, где проходили переговоры между странами — участниками подавления антимпериалистического восстания ихэтуаней и китайским правительством.

Чувствуя поддержку военной и экономической мощи рейха, германские дипломаты не стеснялись при выборе средств в достижении целей, поставленных монополистическим капиталом. Они твердо настаивали на выполнении цинским правительством всех своих политических и экономических требований. Если оно отказывалось идти на уступки, в ход пускался «бронированный кулак». Так обстояло дело, когда под угрозой военных кораблей не были сняты со своих постов правители одной из китайских провинций, удобные кайзеровской Германии. Подобные случаи не являлись единичными в дальневосточной практике германских господствующих кругов. Лишь противоречия с другими империалистическими государствами помешали осуществлению всех их претензий. Это убедило правящие классы Германии в необходимости наращивания своих мускулов для дальнейшей борьбы за предел уже поделенного мира, что с неизбежностью должно было привести, как говорит историк, к катастрофе.

История второго марокканского кризиса очень хорошо изучена в марксистской и буржуазно-критической историографии. В них существует единство мнений в том, что этот кризис стал результатом ожесточенной борьбы Германии и Франции за обладание колониями. Тем не менее опубликованные В. Гуче документы из политического архива министерства иностранных дел в Бонне проливают новый свет на агадирскую авантюру.⁴ Ее подготовка и осуществление шли при полном согласии МИД кайзеровской Германии и банковского дома Варбурга. Сбор подписей под призывом

к правительству вмешаться в марокканские дела был проведен иностранным ведомством и заинтересованными лицами господствующими классами задолго до появления германской канонерки «Пантера» у берегов Марокко. Причиной воинственных намерений правительства вильгельмовской Германии летом 1911 г. послужили не только противоречия братьев Маннессман и других представителей монополистического капитала с французскими горнодобывающими фирмами. Они были также следствием обострившихся отношений двух стран в Африке, на Ближнем Востоке, в Европе.

Однако не внешняя сторона событий, а их внутренние, скрытые движущие силы побудили исследователя провести кропотливую работу. В. Гуче интересуется, каким образом строился внешнеполитический курс страны, когда при общности устремлений монополий, действовавших в Марокко, между ними существовали различия. Они были обусловлены главным образом их соперничеством за наибольшие прибыли. Таким образом, автор поднимает и анализирует проблему связей монополий с государством и его внешней политикой на конкретном случае и развивает ее теоретически.

Страны Балканского полуострова занимали видное место в довоенных стратегических планах германских империалистов. Они привлекали внимание воротил финансовой олигархии, политиков и военных сами по себе и как необходимый этап в достижении мирового господства. Таков самый общий вывод работ З. Кумпф-Корфес и В. Гуче.⁵ Исследователи характеризуют германскую политику «мирного проникновения» в отношении Болгарии, Сербии и ее последствия для судеб этих стран. Арсенал политики «мирного проникновения» господствующих классов кайзеровской Германии не изобилует какими-то особыми приемами, отличавшимися от методов, используемых мировым монополистическим капиталом. Сюда входили экспорт товаров, железнодорожное строительство, государственные займы и поставки оружия. На это в достаточной мере указывает З. Кумпф-Корфес при рассмотрении болгарской политики германских империалистов, но исследователь упускает из виду некоторые ее моменты, касающиеся влияния германского капитала на болгарскую экономику и политику в период до 1914 г.

Ввиду возросшей конкуренции французов в Болгарии финансовые круги кайзеровской Германии укрепляли там свои позиции путем создания банков. В результате этих усилий к первому десятилетию XX в. в Болгарии были образованы «Кредитный банк», «Болгарский лотерейный банк», «Балканское банковское акционерное общество». Учрежденные финансовые предприятия, особенно «Кредитный банк», играли немалую роль в конверсиях болгарских займов и в торгово-промышленных операциях. Заключительным аккордом в довоенной болгарской политике вильгельмовской Германии стали, по убеждению З. Кумпф-Корфес, договоры, заключенные летом 1914 г. за несколько недель до начала мировой войны.⁶ Болгария оказалась в такой степени экономически зависимой от кайзеровской Германии, что в разразившейся борьбе между двумя империалистическими группировками она заняла сторону Центральных держав.

Место Сербии в балканской политике германского империализма во многом определялось экономическим и военно-стратегическим значением железной дороги Берлин—Константинополь, часть которой проходила по территории этой страны. В. Гуче в статье «Сербия в срединноевропейских планах германского империализма накануне первой мировой войны» выясняет экономическую подоплеку антисербских усилий Германии в июле 1914 г., направленных на разжигание пожара мировой войны.

Помимо далеко идущих мировых масштаба заинтересованные круги германского капитала в войне 1914—1918 гг. преследовали конкретные цели. Одной из них стала попытка вернуть себе сербский участок линии Берлин—Константинополь. Эта часть магистральной магистрали «Восточных железных дорог» оказалась в руках сербского правительства после двух балканских войн, а оно отказалось от обязательств, ранее выполнявшихся Османской империей в отношении магистрали. Оно также отказалось выплатить владельцу дороги денежную компенсацию.⁷ Не решив спор мирным путем, империалистическая Германия прибегла к военной силе. В работе В. Гуче актуально ставится проблема влияния различных монополистических союзов на внешнюю политику вильгельмовской Германии.

Подробно на лей В. Гуче останавливается в предисловии к опубликованным им архивным документам, относящимся к истории «угольной войны» между Германией и Францией в 1912—1913 гг.⁸ Проблема взаимодействия монополий тяжелой промышленности и государства, как она затрагивается исследователем, важна в научном плане и в плане идеологической борьбы, поскольку в буржуазной и социал-реформистской историографии еще отрицается то положение, что внешняя политика кайзеровской Германии обслуживала интересы юнкерско-буржуазных классов. Вместо этого выдвигается тезис о ее национальных и социально-психологических движущих силах.

Приведенные ученым документальные данные, объясняющие причину обострения германо-французских отношений в 1911—1913 гг., говорят совершенно о другом. Активное внедрение рейнско-вестфальских монополий в горнодобывающие районы Франции вызвало к жизни антигерманские меры со стороны правительства Третьей республики. В ответ германская дипломатия одобрила и санкционировала «угольную войну» с тем, чтобы осуществить на практике все притязания концерна Тиссенов и других заинтересованных групп господствующих классов. Только разногласия между некоторыми государственными ведомствами и предпринимателями тяжелой промышлен-

ности по вопросам, касающимся роста прибыли последних, обусловили крах задуманных планов.

Неудачный исход запланированной операции свидетельствует о неоднозначности влияния отдельных групп германского монополистического капитала на государственную политику. В 1912—1913 гг. правительство кайзеровской Германии (хотя и не все его ведомственные учреждения) в своих действиях больше считалось с общемпериалистическими интересами, чем, скажем, с потребностями концерна братьев Тиссен, застрельщиков антифранцузской политико-экономической кампании. Этот факт говорит о взаимодействии в государственной политике общемпериалистических интересов и частных претензий отдельных монополий. Решение проблем, связанных с внешнеполитической историей кайзеровской Германии, в такой плоскости позволит в будущем значительно углубить понимание механизма особо агрессивной германской политики.

Вместе с тем изданные материалы лишний раз указывают на преemptивность довоенной экономической экспансии германского капитала в горнорудные районы Франции и его политики военных целей. Они подтвердили этот тезис марксистской и буржуазно-критической историографией и нанесли еще один удар по различным интерпретациям западно-германских буржуазных историков-консерваторов, в которых он «научообразно» отвергается.

Центральный журнал историков ГДР «Цайтшрифт фюр Geschichtswissenschaft» вносит существенный вклад в разработку проблем истории внешней политики кайзеровской Германии периода империализма. Тематика его работ отражает направленность творческой мысли исследователей ГДР. «Пристрастие» к довоенной экспансии германского империализма вытекает из научно-политических задач, стоящих перед наукой: во-первых, необходимости изучения основополагающих причин, в том числе внешнеполитических, приведших к развязыванию первой мировой войны; во-вторых, этого требует борьба с западногерманской буржуазной историографией, которая «не видит» главных социально-классовых сил германской внешней политики и опровергает связь предвоенной внешней политики с политикой военных целей.

В сочинениях Х. Дрекслера, З. Кумпф-Корфес, Ф. Клейна, В. Гуте исследуются малоизученные в марксистской историографии ГДР вопросы международной политики правящих классов вильгельмовской Германии в период до 1914 г. Обладая добротными архивными источниками, исследователи дали глубокий научно-классовый анализ некоторых проблем германской экспансии в Африке, на Дальнем Востоке, на Балканах и в Европе. В поле их зрения — дипломатическая и экономическая истории. Авторами дана не только полная картина довоенных межгосударственных отношений кайзеровской Германии, но и механизм действия ее внешнеполитической машины.⁹

Summary

The article is an analysis of the studies of the nature of imperialist foreign policy of Kaiser Germany before 1914 as seen by the historians of the GDR. The author draws his material from "Zeitschrift für Geschichtswissenschaft".

¹ Drechsler H. Deutsche Versuche, das deutsch-englische Abkommen von 1898 über die portugiesischen Kolonien zu realisieren. — Z. für Geschichtswiss., 1961, H. 7, S. 1624.

² Stoecker A. Der Eintritt Preußens und Deutschlands in die Reihe der in China bevorrechtete Mächte. — Z. für Geschichtswiss., 1957, H. 2, S. 249—263.

³ Klein F. Zur Chino-Politik des deutschen Imperialismus im Jahre 1900. — Z. für Geschichtswiss., 1960, H. 4, S. 817—832.

⁴ Gutsche W. Zu Hintergründen und Zielen des "Panthersprungs" nach Marokko von 1911. — Z. für Geschichtswiss., 1980, H. 2, S. 131—141.

⁵ Kumpf-Korfes S. Die ökonomische Expansion des deutschen Finanzkapitals in Bulgarien vom Ende des 19. Jh. bis zum Ausbruch des ersten Weltkrieges. — Z. für Geschichtswiss., 1969, H. 11, S. 1442; Gutsche W. Serbien in den Mitteleuropaplänen des deutschen Imperialismus am Vorabend des ersten Weltkrieges. — Z. für Geschichtswiss., 1975, H. 1, S. 45.

⁶ Kumpf-Korfes S. Op. cit., S. 1441.

⁷ Gutsche W. Op. cit., S. 44.

⁸ Gutsche W. Die deutschen Monopolmonopole und Großbanken und französischen Erzfelder vor dem ersten Weltkrieg. Zum Zusammenhang von ökonomischer Expansion und Kriegszielpolitik des deutschen Imperialismus. — Z. für Geschichtswiss., 1976, H. 6, S. 689—692, 697—702.

⁹ Gutsche W. Monopolbourgeoisie, Staat und Außenpolitik vor dem ersten Weltkrieg. — Z. für Geschichtswiss., 1981, H. 3, S. 239—253.